

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Александра Ильинична, а каким образом псевдоним вашего отца стал фамилией?

— Мама (Мария Николаевна Файнзилберг-Ильф. — А.К.) очень хотелось, чтобы моя фамилия была Ильф. Но это было сложно, и я даже целый год — до семнадцати лет — ходила без паспорта: в милиции упорно не соглашались меня регистрировать с такой фамилией. В конечном итоге разрешение дал сам Покребишев.

— А как образовался этот псевдоним?

— Очень просто. Когда отец писал в "Гудке" и других изданиях, он очень часто подписывался псевдонимом — чтобы покороче было: все-таки "Файнзилберг" для газетной статьи — ну очень длинно. И часто ставил "Ильфа", "ИФ", "Фальберг", а потом получились Ильф: "Иль" — от Ильи, а "Ф", соответственно, от фамилии.

“Чем ты зарабатываешь деньги?”

Илья Ильф родился ровно сто лет назад в Одессе, в семье скромного банковского служащего. Кроме него, в семье было еще трое сыновей. Отец мечтал, чтобы все они стали инженерами. А потому последовательно отправлял их в технические школы. Из четвертых братьев инженер получился только из младшего: Ильф стал писателем, самый старший брат — художником. Каждый раз, приезжая в гости, отец робко задавал один и тот же вопрос:

— А чем же ты зарабатываешь деньги?

Ему казалось совершенно непонятным и невозможным, что можно получать деньги за какие-то рассказы. Старший брат довольно быстро после революции уехал во Францию, где существовал довольно благополучно. А многие из родственников Ильфа уехали еще в конце прошлого века. С некоторыми из них Ильф встретился в 1935 году, во время совместного путешествия с Петровым по Америке.

Из письма. “Нью-Йорк, 23 октября 1935 г.

Вчера утром за мной заехал дядя Вильям с женой, и мы поехали в Гартфорд, в штате Коннектикут. Есть еще один дядя, самый старший. Его лицо я узнал по фотографии, которые висели у нас дома... Он был знаком с Марком Твеном. Марк Твен, когда уже был знаменитым писателем, много лет жил в Гартфорде... Он познакомился с Марком Твеном так: в 1896 году он был разносчиком и ходил дворами, что-то продавал... Марк Твен жил с дочкой Бичер Стоу. Они сидели оба в саду и Марк Твен заинтересовался дядей, потому что дядя носил длинные волосы и сразу было видно, что он из России. Великий юморист долго расспрашивал его о России и просил дядю заходить каждый раз, когда он будет проходить мимо со своими товарами”.

Ильф в халате и в тапочках

— Мой отец был очень скромным и застенчивым человеком. И был, скорее, печальным человеком. Для него большие скопления народа были утомительны и неинтересны. Отец очень любил читать. В доме всегда было очень много книг, кое-что у меня все-таки сохранилось.

— А что ему больше всего нравилось?

— Систематизации не поддается. Ну, например, он читал “Телеграфный код царской армии” или “Дело жандармского корпуса о смерти Льва Толстого”. Между прочим, известная телеграмма Бендера товарищу Корейко “Графиня изменившимся лицом бежит пруду” взята как раз оттуда. Как рассказывал Ардов, память у Ильфа была невероятная. Он помнил все, что когда-либо где-либо прочитал или увидел: имена, даты, отрывки из прозы, поэзии и даже технических текстов. Были у нас и книги Хемингуэя и Дос Пассоса.

Из письма. “Нью-Йорк, 26 октября 1935 г.

Милая дочка, не успел написать тебе вчера. Дос Пассос оказался широколицый, оживленный, почти лысый. Он немножко заикается, каждую фразу начинает со смехом... Он мне очень понравился. Одет он небрежно, как полагается писателю. Вообще здесь мужчины не обращают на свою одежду сверхъестественного внимания. Некогда...”

Настоящим центром жизни Ильфа была его жена Мария Николаевна и дочь Саша.

“Люба я постарел, либо вообще распустился, но всегда, когда я пишу Вам про нашего Пига (Сашу. — А.К.), мне хочется плакать. Я Вас очень люблю и его люблю”. В то время еще сохранилась дореволюционная манера общения между супругами — на “вы”.

Мария Тарасенко и Ильф Файнзилберг впервые встретили друг друга в Одессе, в тех самых литературных кружках, которые были так популярны в то время и которые посещала вся просвещенная молодежь Одессы. Кстати сказать, с одним из братьев Катаевых — Валентином (младшим) — он познакомился там же. С Евгением Петровым (стар-

шим братом Катаевым) он познакомился значительно позже, в московской газете “Гудок”. Сама Мария Николаевна была художницей.

— Конечно, мама не была профессиональным художником. Но она писала маслом натюрморты и автопортреты для души. Отец ее очень баловал: всегда очень заботился о ней, выполнял все ее пожелания. При папе мама никогда не занималась домашним хозяйством. У нас всегда бы-

ли домработницы, которые делали всю работу, а мама только осуществляла общее руководство. Так что котлет она не крутила. Конечно, если ей хотелось сделать для папы что-нибудь изысканное и очень элегантное, то тогда она готовила сама. Но только в этих случаях... А так мама рисовала и играла на рояле.

“Снился мне про тебя плохой сон, что ты болен, и я огорчился безумно. Живи хорошо, милый, люби меня и нашу милую Сашеньку”. В ответ на это или одно из таких писем Мария Николаевна присылает Ильфу телеграмму в Нью-Йорк: “Где ты сейчас Письма получила Жду следующих Моя жизнь проходит...”

Уезжая в очередное путешествие, Ильф всякий раз старательно записывал поручения и списки, которые ему диктовала Мария Николаевна. У Александры Ильиничны сохранилось несколько таких списков: “Марусе, браслет, вуали, чулки, туфли, костюм, шляпу, сумку, духи, помада, пудра, пудреница, шарф, папиросы, перчатки, краски, кисти, пояс, пуговицы, украшения... Ретушерские принадлежности, акварель, бритва, бумага тетради, блазер, гален, шляпа, термос, кошелек, ром, кофе...”

С дороги Ильф почти ежедневно слал письма, и в них помимо новостей, описания тех или иных мест, через которые он проезжал, обязательно были записи о выполнении заказов:

“...В печатном списке пассажиров я замечаю как Mrs. (мистрис) Ильф. Это смешно.

Пишите короче — вы не Гоголь. Два человека это хорошо.

Это было при Леопольде Кровавом.

Сюжетность. Она исчезла. Нельзя найти человека, который мог бы написать рассказ.

Что (чего) недостаточно. Не хватает ему места или дарования. (?) Мы тоже ее любим, эту власть.

Самое смешное — два листа о том, что надо писать коротко.

Мы можем противопоставить себя РАПГУ.

За здоровое гулянье.

Надо производить товары, сапоги, которые (можно) надеть, романы, которые можно читать. Видимость. Сапоги на картоне и ро-

Еще едут с нами мистер Бутербродт, мистрис Бутербродт и юный мастер Бутербродт. Маршак бы написал про них стихи для детей: “Страшный мистер Бутербродт”. Океан безлюден. Ни одного парохода не видел. Идем мы быстро. Все время заполняем громадные американские анкеты: “Покрыты ли Вы струпами?”, “Не анархист ли Вы?”, “Не дефективный ли Вы?” и так далее. Ну, будь здо-

ров, мой золотой друг, обними нашу Пигу, поцелуй ее крепко и скажи, что я очень ее люблю, очень...”

Летит кирпич...

За несколько дней до смерти, сидя в ресторане, Ильф поднял бокал шампанского и сказал: “Шампанское марки Ich sterbe”. В это время уже вышли мемуары Ольги Книппер-Чеховой о смерти Чехова.

Ильф умер в тридцать седьмом. Умер от туберкулеза — наследства голодной Одессы двадцатых годов. Впрочем, в реальности причины смерти многие предпочли усомниться. Тридцать седьмой вызывает совсем другие коннотации. 13 апреля Ильф умер, на следующий день в “Правде” вышел некролог, а 17 апреля Петров публикует там же “Ответ фашистским клеветникам”. За границей распространились слухи о том, что Ильф покончил с собой после выступления на общесоюзном собрании писателей. На нем Петров с Ильфом выступили с такой критической системы, которая сегодня может показаться детским лепетом, в то же время за нее платили собственной жизнью: “У нас в литературе создана школьная обстановка. Писателям беспрерывно ставят отметки. Пленумы носят характер экзаменов, где руководители Союза перечисляют фамилии успевающих и неуспевающих... Успевающим детям выдаются награды... Неуспевающие плчут и ученическими голосами обещают, что больше не будут...”

— Мама рассказывала, что они, так же, как и другие, ожидали ночных шагов. Жильцы дома попросили на ночь выключать лифт: он мешал им слушать.

По воспоминаниям Петрова, незадолго до смерти Ильф говорил: “Летит кирпич...” И в общем-то не ошибался. 21 марта 1937 года — до смерти Ильфа осталось меньше месяца — в “Правде” вышла статья В. Просина “Развесистые небоскребы” о книге Пильняка, рецензия на которую заканчивалась небольшим, но знаменательным разбором “Одноэтажной Америки” Ильфа и Петрова. Но если учесть еще тот факт, что Ильф и Петров были одними из немногих, если не единственными, писателями, которые не подписали ни одного “нужного” письма — ни против формализма, ни с требованием немедленно раздать очередную кровавую гадину, ни с одобрением новой Конституции — и отказались писать про строительство Беломорканала, то конец предугадать было совсем нетрудно.

К тридцать седьмому они были авторами “Двенадцати стульев”, “Золотого тельца” и “Одноэтажной Америки”, всемирно признанными писателями, ведущими журналистами “Правды”... Noblesse oblige. Пока был жив Ильф, правила госсистемы не соблюдались: по воспоминаниям Константина Ротова (иллюстратора “Золотого тельца”), Ильф не верил в правдивость показаний на “вредительских” процессах. Вероятно, именно Ильф был инициатором идеи отказаться от авторства сценария фильма “Цирк” Григория Александрова. Возмущенные “провинциальной помпезностью”, соответствовавшей эпохе, и дурным вкусом Александрова, авторы пьесы “Под куполом цирка” пошли на огромный скандал с государственным режиссером. Они предвидели последствия? Знали, что за этим может последовать?

“Цирк” стал символом сталинской эпохи. “Дос Пассос повел нас в ресторан “Голливуд” на Бродвее — обедать. Он сказал, что мы увидим мечту нью-йоркского приказчика. Действительно, это было счастье матроса, после двухлетнего плавания сошедшего на берег. Посреди зала, на низенькой эстраде, танцевали девушки и девки, полуголые, голые на три четверти и голые на девять десятых. В общем, на уровне художественных воззрений Гришки Александрова...”

После смерти Ильфа Петров сломался. Он писал статьи с бухаринского процесса с соблюдением всех принятых в то время канонов: “Какое счастье, что этот тяжелый кошмар, наконец, кончился, что талантливейшему, честнейшему товарищу Ежову, которому, работая днем и ночью, задыхаясь в испарениях яда, приготовленного бухариными и ягодами, удалось схватить за горло скользкую гадину...” Трудно сказать, что было бы с Ильфом, если бы он прожил на пять лет больше — те самые пять лет, которые остались после его смерти Евгению Петрову. И хотя нравственные законы внутри нас, которые так поражали Канта, позволили Ильфу оставаться вне игры, но что бы с ним стало во времена великого террора, не знает никто.

“Я не лучше других и не хуже. Нет, я не лучше других и не хуже...” — одна из последних записей Ильфа. И ею все сказано.

Впрочем, Ильф и Петров свое тоже получили — после смерти. В феврале 1949 года “Литературка” разразилась статьей “Серьезные ошибки издательства “Советский писатель”. После долгого перечисления “достойных” писателей типа Гриба чева, Бубеннова дело переходит к черному списку: центральное место в нем — у “Двенадцати стульев” и “Золотого тельца”. На семь лет — до 1956 года — Ильф и Петров перестали существовать.

Анна КОВАЛЕВА.

Фото из архива Александры ИЛЬФ.

В материале использована книга Я.С. Лурье “В краю непуганых идиотов”.

Илья ИЛЬФ

ЭТО БЫЛО ПРИ ЛЕОПОЛЬДЕ КРОВАВОМ

манс гравидан — ни ситро, ни шампанское не нужны.

Писать бы рад, подписывать договор тошно.

Наиболее безопасный жанр — пейзаж.

Описание директора предприятия. Цифры, записанные буквы.

Что-то роковое. Весь гений человека в конечном результате приносит несчастье.

Мобилизули.

— Грубо говоря. — А вы не говорите грубо!

Ведомственные пьесы. ОГИЗ. Книгоноша. Многоженец.

Входит, уходит, снова входит, смеется, застреливается. Проваливается.

Ночь перед премьерой. Сами дописывают. И говорят, что монтируют.

Мерзетский. Полуаяков Аякс Полуэтович.

Як Ячик. Мур-Муравейский. Доктор Копенгаген.

Судьба произведения: Естественная судьба — человек пишет, книгу читают. Неестественная судьба — человек пишет, книгу не читают.

Как будто поднимает тяжести.

Издебский
Бей
Лаврский
Варун-Секрет
Араканцев
Сухоржевский
Хоментовский
Карандашев
Балахонцев
Хам. Цаца
Лубби
Панчинский